

поднимает национальный дух, но и превращает японцев «в народ, который не имеет себе равных в мире в части верноподданничества и воинской мужественности, формируют удивительное и блистательное искусство»²¹. Сига Сигэтака превозносил красоту Фудзи, его последователи стали говорить о том, что эта гора является символом вечной императорской династии²².

Как мы видели, пейзажи в изображении Сига Сигэтака предстают в обезлюдевшем виде, однако на самом деле японский плер был густо заселен людьми, которые толковали сочинение поэта-географа так, как им казалось удобным и нужным.

²¹ Цит. по: Оомуро Микио, с.3 7, 39.

²² *Хара Хидэсиро*. Нихон-но фукэй // Тоа-но хикари. 1911, №9, с. 68.

Японские этюды Василия Верещагина. Последний год

С. В. Михайлова

Цель данной статьи – ввести в научный оборот записки известного русского художника – баталиста Василия Васильевича Верещагина о Японии. Заметки были опубликованы в петербургской газете «Биржевые ведомости» накануне и во время русско-японской войны и с тех пор ни разу не перепечатывались. Заметки Верещагина о Японии представляют страноведческую и историческую ценность, поскольку написаны перед самым началом русско-японской войны.

Ключевые слова: Верещагин, Русско-японская война, Розен, Николай Второй, Никко, Хиросе Такео, Русский музей.

Василий Васильевич Верещагин...

Стоит услышать его имя, как в памяти всплывает известная картина – «Апофеоз войны» (Третьяковская галерея, Москва). Работы этого художника хранятся не только в Третьяковской галерее, но и в Русском музее Петербурга, во всех крупных русских музеях и музеях бывшего СССР и даже в Букингемском дворце. Верещагин – самый известный русский художник-баталист. Широкой известностью пользовалась и его японская серия картин, которые он написал после поездки в Японию, пользуясь этюдами, сделанными в Японии. Малоизвестными остались и никогда не перепечатывались путевые заметки художника о Японии, которые публиковались в петербургской газете «Новости и биржевые ведомости».

Фрагменты заметок художника Верещагина о Японии, которые приводятся в этой статье, интересны, потому что показывают еще одну сторону натуры Верещагина – не художника, а журналиста, даже в некотором роде ученого-страноведа. Записки составлены по плану любых других книг «серьезных» европейских ученых-исследователей Японии. В них можно найти описание географии, флоры и фауны, железных дорог, обычаев, типажей женщин и детей, еды, гостиниц, архитектуры, образцов искусства и пр. В начале 1900-х годов подобные книги не были редкостью на прилавках магазинов Петербурга и Москвы. В основном это были переводные книги немецких и французских авторов.

Записки Верещагина остались незаконченными... После его гибели на русско-японской войне вдова их не издавала – они так и остались в форме газетной публикации.

Записки написаны обстоятельно, педантично, очень много внимания уделяется деталям (сразу же вспоминается картина художника «Двери Тамерлана», где двери так фотографически тщательно выписаны).

Верещагин родился 14 октября 1842 года в Череповце в семье небогатого дворянина. В 1853 году вслед за своими братьями он поступил в Морской корпус в Санкт-Петербурге. 3 апреля 1866 года юный Верещагин с отличием его закончил, 11 апреля по собственному желанию уволен был из службы и поступил в Академию художеств. Его лучшими друзьями остались те, кто учился с ним вместе в Морском корпусе: Н. А. Римский-Корсаков, будущий композитор, Ф. А. Юрковский, режиссер Александринского театра, К. М. Станюкович, писатель и вице-адмирал, Н. И. Скрудлов, заступивший на место адмирала С. О. Макарова после гибели последнего вместе с Верещагиным на борту броненосца «Петропавловск».

В отличие от других собратьев по кисти, восхваляющих войну, Верещагин старался показать все ужасы войны как можно более натуралистично. «Передо мной, – писал Верещагин П. М. Третьякову, – как перед художником, война, и я ее бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары, это мой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаху и без пощады»¹.

Верещагин много путешествовал и побывал в 66 странах. Его выставки в Москве, Петербурге, Варшаве, Будапеште, Вене, Берлине, Париже, Лондоне, Стокгольме, Праге, Брюсселе, Нью-Йорке, Чикаго и в других городах Нового и Старого Света пользовались большой популярностью.

Он объездил полмира, однако, его мечтой была Япония. Впервые он пытался попасть в Японию в 1874 году. В своем письме к Крамскому из Петербурга в марте 1874 года он пишет: «Я много и искренне благодарен Вам за участие, которое Вы принимаете в моих работах... Зайду к Вам перед отправлением в большое путешествие – хочу объехать Амур, Японию, Китай, Тибет и Индию и отправляюсь на этой неделе»². Но тогда ему в Японию попасть не удалось. В Японию он приехал уже только перед самой Русско-японской войной, когда отношения между двумя странами были натянуты, как струна. Он планировал прожить в Японии полгода, но вынужден был вернуться досрочно. Не исключено, что в Японию он поехал также и для сбора информации для Военно-морского ведомства, хотя документальных свидетельств этому не имеется.

Верещагин, благодаря своим военным полотнам, был в 1901 г. номинирован на Нобелевскую премию мира. Именно он в начале Русско-японской войны 1904–1905 гг. обратился с тремя страстными и смелыми письмами-советами к Николаю II о том, как, по его мнению, целесообразно вести войну с Японией. В августе 1903 г. Василий Васильевич наконец-то выехал в Японию через Владивосток. Это путешествие стало для него последним. Сохранилось несколько его писем к жене:

Л. В. Верещагиной

7 (20) октября 1903 г.

Никко

«... я начал немного работать (здесь храмы очень интересны) и думаю, что кое-что напишу. Живу в самой романтической обстановке, в маленьком домике не то лесника, не то садовода, близ самых храмов. Кругом водопады, потоки и лес. Крптомерии, те самые, что не принялись в Сухуми у моря, здесь достигают 20 сажень в высоту и полторы сажени в диаметре. Не думай, что я прибавляю. Японцы и жена, у которого я живу, премилые. Жаль, дожди не дают заниматься, придется потерять много времени.»³

В связи с нарастающим напряжением в русско-японских отношениях Василий Васильевич вынужден был покинуть Японию на последнем гражданском корабле. Верещагин вернулся на родину 30 ноября 1903 года, привез более 20 этюдов. Верещагин считал, что по климату и по освещению район Сухуми, где он жил на даче, наиболее похож на Японию, поэтому японская серия картин была написана именно там. Задумал он и исследование о японском искусстве.

В конце XIX – начале XX вв. и в Европе, и в России было популярно все японское, «японский бум» проявлялся в том, что женщины ходили в кимоно, покупали втридорога японскую мебель, привезенную моряками из Нагасаки, смотрели балет «Микадо» и напевали куплеты из оперетки «Гейша». Вероятно, этот спрос в какой-то мере и повлиял на решение художника отправиться в Японию именно в 1903 году. Вероятно, он рассчитывал, что его японская серия картин придется по вкусу широкой публике.

Верещагин любил эпистолярный жанр: он написал книгу о Русско-турецкой войне 1877 года в виде посланий с театра боевых действий, посылал очерки о своих странствиях в столичные и провинциальные газеты. Свои впечатления о пребывании в Японии художник облек в форму путевых заметок и дал им название «Из записной книжки».

По приезде из Японии устраивал платные лекции в разных городах России. Часть средств от лекций непременно шла на нужды бедных учеников художественных училищ. Например, по прибытии из Японии в Одессу он сразу же организовал музыкальный вечер со своей лекцией.

Первые японские заметки Верещагина были опубликованы в номере газеты от 13 (26) января 1904 года и были подписаны как «художник В. Верещагин».

Следующая публикация относится к 22 января (4 февраля) 1904 года. 24 января 1904 года Япония объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией. Верещагин в тот же день приехал из Москвы в Петербург.

¹ Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1958, с. 6.

² Там же.

³ Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. М.: Изобразительное искусство, 1981. с. 202.

Война еще не началась, но Василий Васильевич пишет военному министру и главнокомандующему русской армией и флотом А. Н. Куропаткину письмо с предложением «устроить мое пребывание при главной квартире Вашей ли или другого генерала, если дело дойдет до драки».

Он встречается со многими друзьями, которым говорит, что нельзя пренебрежительно относиться к Японии, о том, что Япония хорошо подготовлена. Приведу пример из разговора с художником Ильей Репиным: «Японцы давно превосходно подготовлены и непременно разобьют нас... У нас нет и мысли о должной подготовке к этой войне... Разобьют, голову дам на отсечение – разобьют!»⁴

26 января (8 февраля) вышла третья часть заметок. Про пароход «Айкоку-мару», про порт Цуруга, про железную дорогу и еду. И про то, как ничтожно мало у нас на Дальнем Востоке ценят рыбный промысел, хотя это очень выгодное дело, особенно в торговле с Японией.

В ночь с 26 на 27 января Япония без объявления войны напала на русскую эскадру в Порт-Артуре. Война началась.

Газета продолжала публиковать заметки художника. 30 января вышла четвертая часть заметок: про путешествие по Японии, про женщин, про товары, про климат.

Того же 30 января (12 февраля) Верещагин отправляет жене Куропаткина – Александре Михайловне – просьбу о встрече с главнокомандующим. Он во что бы ни стало хочет отправиться на войну.

1 февраля (14 февраля) выходит острая статья Верещагина «Воинствующие японцы», где дается психологический очерк японского характера.

Начало февраля Верещагин проводит в Петербурге, испрашивая разрешение отправиться на войну. Он встречается со друзьями, пишет горячие отеческие письма Николаю II про свое видение войны с Японией (от 3 и 5 февраля по ст. стилю). 6 (19 февраля) выходят два его очерка путевых заметок о Японии, в основном про Никко, про усыпальницу Токугава Иэясу.

Разрешение отправляться на фронт было получено, Верещагин прикомандирован к штабу адмирала Степана Осиповича Макарова.

Журналист Лидин взял у Верещагина интервью, которое было напечатано в «Петербургской газете» 13 февраля 1904 года. Предваряя рассказ о беседе с известным художником, журналист упоминал, что тот не так давно вернулся из Японии, где пробыл три месяца. Его первый вопрос к Верещагину был: «Правда ли? что он вновь собирается на Дальний Восток уже в качестве военного корреспондента?». «Да, я еду, отвечал художник, но не как корреспондент, а как состоящий при штабе армии. Моим девизом будет: наблюдать и наблюдать. Писать же

с театра военных действий я ничего не буду»⁵. На вопрос о степени готовности Японии к войне Василий Васильевич ответил: «Японцы готовились к войне со времен Симоносекского договора. Готовились систематически, методично. Они поняли, что Россия на Тихом океане является их прямой соперницей и решили всеми силами ей противодействовать»⁶. Упомянув, что находясь в Японии, он ознакомился с важнейшими статьями местных газет в переводе на английский язык, Верещагин рассказал о цели войны, как ее определяли сами японцы: «Не более не менее, как взятие Порт-Артура и Владивостока, разорение всего остального нашего побережья. Затем – выгнать нас из Маньчжурии, и, одержав, несколько решительных побед, предполагалось либо заключить мир, либо пойти на нашу столицу». О самой же стране он отозвался, что знакомство с ней оставило у него самые лучшие впечатления: «Чудесная страна, живой и самобытный народ... Я имел в виду проследить остатки старого японского искусства и убедиться, насколько верно мое предположение о том, что так называется “декадентское” направление в искусстве навеяно крайним Востоком, преимущественно Японией. Теперь я убедился, что не ошибся»⁷.

Того же 13 февраля (26 февраля) в газете «Новости и Биржевые ведомости» была напечатана последняя серия заметок художника Верещагина о его пребывании в Японии. В них говорилось о посланнике Розене и о посещении Токио. Про императорскую резиденцию, про встречу с обер-церемониймейстером бароном Санномия. Про посещение Иокогамы. Про лавки старьевщиков и другие лавки, особенно про лавку тканей «Мицуи». Про франтов и франтих. Про японский характер.

Больше писать заметки времени не было. Нужно было срочно возвращаться домой в Москву и собираться на войну... Верещагин намеревался вернуться к ним позже...

28 февраля (12 марта) художник отправился в Порт-Артур. Ему было 62 года. Он оставил жену и троих малолетних детей буквально без средств. Но долг был превыше всего. Ему жизненно необходимо было быть на передовой, чтобы писать новые батальные картины. Василий Васильевич не мог не броситься «в самое пекло военных событий, чтобы вновь поведать людям правду о войне, раскрыть ее подлинную суть».

«Бедствие человеческое снова воспрянуло. Зверь поднял свою голову опять, и какой это теперь зверь»⁸ – писал художник 26 февраля (8 марта) перед самым своим отъездом своему другу французскому критику Кларети.

⁵ Интервью с художником Верещагиным. Петербургская газета. СПб., 1904, 13 февраля, с. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. М.: Изобразительное искусство, 1981, с. 41.

⁴ Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. М.: Изобразительное искусство, 1981, с. 213.

17 марта в Порт-Артур в свите Великого Князя Кирилла Владимировича прибыл Верещагин. Он был близок с адмиралом Макаровым (в Военно-морском музее Петербурга есть картина художника Е. И. Столица: «Вице-адмирал Макаров и художник Верещагин в Порт-Артуре»). Верещагин и погиб с ним и со всем экипажем на броненосце «Петропавловск» 31 марта 1904 г.

Капитан Яковлев, чудом спасшийся, рассказывал, что до последнего момента видел Верещагина с альбомом.

Японские записки остались незавершенными...

В Петербурге осенью 1904 года открылась большая посмертная выставка картин Верещагина, а через десять лет в городе Николаеве был создан музей его имени, в экспозицию которого вошли некоторые произведения и личные вещи Верещагина.

Его вдова Лидия надеялась за счет выставки поправить тяжелейшее финансовое положение и достойно воспитать троих детей. Тем не менее она отказалась от выгодных иностранных предложений и предпочла за очень малую сумму продать картины русской казне, этим исполняя волю покойного. Пенсия, выделенная ей Императором, не оправдала ее надежд. В 1911 году она покончила жизнь самоубийством.

Смерть Верещагина во всем мире вызвала широкий резонанс. Японцы написали больше некрологов, чем соотечественники художника. Так, японский писатель Накадзато Кайдзан заметил: «Так же, как и Толстой, который ведет пропаганду мира силой слова, Верещагин кистью старался показать людям, что война — самая ужасная, самая нелепая вещь на свете... огромный талант Верещагина особенно сильно проявился в такого рода картинах, где он пытается внушить людям необходимость мира... Он не искал военных наград, он хотел показать людям трагедию и глупость войны и сам пал ее жертвой. Он пожертвовал своей жизнью ради своего призвания художника. Мы завидуем России, где живет Толстой, а узнав о смерти Верещагина, мы не можем еще раз не почувствовать к этой стране уважения и почтения».

В. В. Верещагин В ЯПОНИИ (Из записной книжки)

26 января (8 февраля) 1904 г.

Я высадился в японском городке Цуруге, недавно только открытой для иностранцев гавани, очень хорошо защищенной от ветров, но еще плохо устроенной.

Когда разовьется торговля с Владивостоком, Цуруга получит большое значение, разрастется и разбогатеет: покамест же это ничтожный городишко. У берега и близ него стояли курьезные барки старой конструкции, раскрашенные, с высоко поднятыми кормой и носом; других судов паровых или парусных на рейде не было.

Мы приехали на пароходе «Ай-Коку-Мару», очень плохом суденышке старого устройства, еще с керосиновым освещением и без электрических или каких-либо иных звонков, так что прислугу «боя» приходилось звать смертным криком; кто бывает болен на море, тот поймет неудобство этого. Стол, впрочем, был недурной, из свежей провизии, английской манеры приготовления. Даже один из офицеров говорит по-русски, что, видимо, радовало его, потому что после всякой с грехом пополам выговоренной русской фразы он самодовольно и мило улыбался...

...Железная дорога в Киото и дальше в Токио узкоколейная, по крайней мере такой она называлась бы у нас. Вагоны маленькие и отделения, как умывальное и другие, до того миниатюрны, что в них трудно поворачиваться. Когда я сказал об этом одному японцу, понимавшему по-английски, он ответил: «Это по-нашему росту: мы маленькие и для нас достаточно».

Первый класс, как и все другие, не имеет отдельных купе, две лавки, крытые ковром, вдоль вагона и одна в ширину. Вагоны всех классов сообщаются между собой. При обычае мужчин и женщин курить, дыма, окурков и спичек везде очень много.

Перед тем как нам трогаться, мне крикнули, что вещи мои не успели втащить в багажный вагон, почему они пойдут со следующим поездом; сначала я не придавал этому значения, но потом стал не на шутку беспокоиться; не отстали бы, не затерялись бы мои краски?

Поезд шел очень быстро; ход его и сравнить нельзя с черепашьим ходом наших русских железных дорог; особенно хорошо было то, что на станциях мы стояли очень неподолгу.

Носильщики разного товара на станциях на все тона выкрикивают его: газеты, закуски, крепкие напитки, чай.

Этот последний подается в маленьких глиняных чайничках, прекрасной формы, с миниатюрной чашечкой.

Чай зеленый, японский, тут, конечно, низкого качества, но мне понравившийся настолько, что я частенько угощался им. Сахар не полагается, и все удовольствие чаепития обходится в 3 сента, т. е. в 3 наши копейки, считая тут и стоимость чайника с чашкою, которые обыкновенно потом выбрасываются. Сначала я жалел бросать такие милые вещи, и стал было прятать некоторые, но когда они стали разбиваться, пришлось и вправду все выкинуть.

Одна путешественница рассказывает, что некто между ее спутниками нашел такому чайничку еще другое употребление, о котором распространяться неудобно. Нужно заметить, что некоторые поступки, считаемые у нас неприличными, в Японии совершенно обыденны и совершаются настолько наивно и искренно, что язык не поворачивается выговорить и попенять за них тем более, что выговор был бы совершенно непонятен.

Я, например, был очень удивлен, когда в этот первый переезд по японской железной дороге, один из моих спутников, при всех нас разделся в вагоне, оставшись только с перевязью кругом бедра, и начал вытирать себе тело докрасна мокрым полотенцем. Кончив операцию, он с сознанием исполненного долга уселся читать газету. Наивность этого человека была вне сомнения, и я со спутником французом могли только посмеяться над процедурой самообтирания: не было забыто ни одно из сокровенных мест тела, и это несмотря на присутствие в вагоне его супруги и других дам туземок.

Коснувшись моего спутника, француз, замечу, что при отъезде из Владивостока провожавшие меня указывали на него как на опального молодого человека, только что вынужденного покинуть свое место в русско-китайском банке. Оказалось, что он действительно служил в отделении этого учреждения в Николаевске-на-Амуре и, действительно, принужден был оставить место из-за того, что высмотрел себе там дело более выгодное, именно по ловле рыбы, что не понравилось его начальству. Рыбы, лососины, по его словам, идет Амуром множество, прямо невероятное количество, только успевай ловить, и вся ловля до последнего времени сосредотачивалась в руках японцев, бывших полными хозяевами дела и, понятно, забиравших все барыши от него.

Япония потребляет мало мяса, но много рыбы, и амурская рыба почти вся шла в японское государство, давая громадную выгоду предпринимателям ловли. Теперь, когда монополию японцев начинают устранять, составилось несколько обществ, начинающих посылать рыбу даже в Европу, в Гамбург, на специально приспособленных кораблях, с холодильниками и ледниками...

...По словам моего спутника, это рыбное дело выгоднее приисков золотых, которыми амурский край тоже славится, и могло бы по справедливости тоже называться «золотым». Кстати сказать, рыбному делу, вообще, не везет в России, и, например, рыбные и устричные ловли на Черном море не могут собрать капитала для ведения этого дела правильно, не на кустарных началах.

Однако возвращаясь к японскому поезду, который шибко идет узкими долинами, между гор средней вышины, густо заросшими лесом. Растительность, при теплом, сильно влажном климате, прямо баснословная и окрестности дороги очаровательны – будто сплошной сад с театральными декорациями на фоне. Везде рисовые поля, с необыкновенную тщательностью обрабатываемые; видно, что всякая посторонняя травка устранена, своевременно вырвана, всякий самомалейший кусочек земли использован и содержится в порядке: каждый квадратик рисового посева обсажен бордюром бобов, сладкого картофеля или других овощей, и густая зелень этих последних, вместе с желтоватою краскою начинающего желтеть риса, дает глазу впечатление мелькающего перед глазами цветочного ковра или паласа. Площади посева риса рас-

положены уступами на разных высотах и все, конечно, обильно орошаются; урожай, повидимому, хорош в этом году.

Между полями мелькавшие фермы и поселения смотрели уютно, зажиточно и опрятно; нашей бедноты с разваливающимися крышами и подгнившими, покосившимися гуменниками и сараями, не видно. Между низенькими серыми домами крестьян, высятся постройки дворян, непременно выкрашенные в белую краску, также храмы с солидно устроенными кирпичными крышами, украшенные входами и портиками.

Все постройки, богатые и бедные, из дерева, кроме изредка попадающихся фабрик, сооруженных на европейский лад из красного кирпича, с железными крышами. Перед большою частью домов садики и живые изгороди, полные зелени; везде резвится детвора, а также с трубками в зубах, не разгибаясь, трудящиеся японцы и японки.

В вагоне нашем все обстояло благополучно, если не считать нескольких наивностей, вроде того, что кто-нибудь из мужчин-японцев начнет чистить пальцы ног, и, давши последним отдохнуть на свободе, снова заключит их в однопалые белые или черные чулки.

Мы, европейцы, заняли по несколько мест, в ущерб туземцам, вежливо сторонившимся. Многие из мужчин были в европейском платье, в соломенных европейских же шляпах, но женщины все в своих кимоно, преимущественно шелковых, серого цвета. Тех ярко-цветных одежд, которые продаются у нас в японских магазинах, вовсе не видно и говорят, что они совсем вышли из моды, удержавшись лишь у танцовщиц и у детей.

Меня больше всего привлекали пояса японских женщин, очень широкие, всегда более или менее яркие и богатые, составляющие, как мне говорили, главную гордость и красу туземки: на что, на что не согласится, какую жертву не готова принести японская красавица за роскошный парчовый пояс.

Не менее замечательны прически, возобновляемые, приблизительно каждые 5–6 дней и очень замысловатые. Волосы у японок, должно быть, прежесткие и смазанные каким-то пахучим салом, блестят, как металлические. Замечательно, что я не видел ни одной блондинки, но и да же «шантретки», потому и, что они красятся или сам Бог создает их такими чернушками, я не знаю –вернее, последнее.

На станции Саннамия, где мы три часа ожидали поезда из Кобе, я стал серьезно беспокоиться тем, что ни в одном из последних поездов не оказывалось моих вещей. Хуже всего было то, что никто не говорил даже по-английски, не говоря уже про французский или немецкий языки. Являлись разные индивидуумы, напоминавшие школьных учителей, вероятно, слывшие между своими за лингвистов, потому что они злоупотребляли словом “all right”, но хитросплетения их разобрать было невозможно.

С грехом пополам удалось узнать по телефону, что вещи придут, наверное, хотя всего за несколько минут до отхода нашего поезда, что, действительно и случилось. Я рад был тому, что не засяду на этой станции, а решился было уже сделать это для розыска багажа: если бы он затерялся, вся моя поездка пошла бы насмарку.

Когда я, наконец, своими глазами увидел мои вещи перенесенными в багажный вагон поезда, отходившего в Токио, мне, признаюсь, сразу сделались милее и умнее, казавшиеся глупыми и тупыми постоянно улыбавшиеся физиономии станционных служащих, изображавших из себя ни дать ни взять наших мальчишек подростков. Вечная улыбка этих людей кажется мне до сих пор неясною: в ней должна быть некоторая усмешка усилиям солидных людей, горячась, и подчас, выходя из себя, дать себя понять на непонятном языке; должна была сказываться и врожденная манера держать на лице учтивое, слащавое выражение из вежливости; должно было, наконец, сказываться и анатомическое построение рта, и особенно глаз, сильно приподнятых на концах. Так или – иначе улыбка на лице японца обязательна.

С улыбкой представляется неприятное известие или вздутый счет, с улыбкой предлагали прежде совершить над собой «хара-кири», т. е. распороть себе живот; с улыбкой ныне объявляют провинившемуся редактору газеты, что его «высокоуважаемая газета» должна прекратиться.

Пришедший из Кобе поезд, в котором, как я позже узнал, были и спальные места, только неудобные, без белья, помчал нас дальше.

Говорю помчал потому, что это был курьерский поезд, вполне оправдывавший свое название...

30 января (12 февраля) 1904 г.

Мы приехали в столицу Японии утром. Так как я имел сведения о том, что наш посланник Розен проводит лето в горной местности Никко, знаменитой своими храмами, теми самыми, к которым я стремился, то, перекинув свои вещи на первый отходящий туда поезд и наскоро закусив в буфете, очень порядочном и чистом, выехал в горы.

Замечу мимоходом, что японцы понимают рекламу и объявления, пожалуй, еще лучше, чем в Европе. Они не возвышаются, может быть, до гениальной, прямо дурачащей публику рекламы американцев, но постольку, поскольку объявление может действовать на глаз, они им широко пользуются, и улицы пестрят от громадных китайских букв и рисунков всех цветов радуги.

Например, ресторан, в котором на станции Токио я позавтракал, помещается на втором этаже, в который ведет лестница; так вот, стена вдоль этой лестницы вся расписана фигурами мужчин и женщин, будто бы поднимающихся наверх; фигуры в натуральную величину и так недурно исполнены, что издали дают иллюзию двигающейся по ступень-

кам толпы, особенно когда кто-нибудь действительно поднимается или спускается по ним.

Иностранцы нападают на нас за бесцеремонное присвоение прав их литературной и художественной собственности, но в Японии эта бесцеремонность прямо вопиющая. Например, знаменитый портрет Бисмарка работы Ленбаха, в профиль, украшает улицы всех городов Японии с тем только изменением, что седые усы бывшего канцлера не опускаются вниз, а подняты вверх и во рту торчит сигара – эта поделка табачной фабрики, очевидно, не желающей считаться с правами обоих знаменитых немцев – почившего обладателя характерной бюргерской физиономии и здравствующего автора характерного портрета.

Выбор поезда в Никко был неудачен; лучше было подождать и выехать позже, потому что я приехал бы почти в то же время, и по дороге три раза не пересаживался бы, что при обилии мелкого ручного багажа мне было очень неудобно.

Взял же я с собой много мелочи из боязни, чтобы она не затерялась в багажном вагоне, не была бы выхвачена кем-нибудь по ошибке – потом ищи, наводи справки, когда нужно начать заниматься.

Здесь пассажиров было мало; посредине вагона первого класса стоял столик с чайником, наполненным горячим чаем и несколькими чашечками. Я уже был одинок, потому что спутник мой, милый французик, в Токио покинул меня и направился в Иокогаму, отстоящую от столицы всего на час пути.

Опять замелькали те же рисовые поля, сказалась та же высокая сельско-хозяйственная культура, пошли станции с массой входящего и выходящего народа, который производил большой и своеобразный шум деревянными башмаками-сандалиями, по-видимому, не очень-то удобными, потому что в них приходится ходить с согнутыми коленями. У мужчин это еще не так заметно, может быть потому, что они тверже на ногах, да к тому же часть ходит на соломенных сандалиях, без деревянных подставок; но женщины прямо волочат свои крючкообразные ноги и двигаются всегда очень вяло и флегматично, потому что быстрое движение немислимо. Я назвал женские ноги крючкообразными не для красоты речи, а потому что – от моды или от неудобства – здешние дамы ходят носками внутрь, что смотрится некрасиво, крючкотворно. Можно сказать, что, на наш европейский взгляд, японская женщина настолько неграциозна в ходьбе, насколько оригинально мила в покое.

На мой вкус, в Японии нет красавиц в полном смысле этого слова, но есть, даже на европейскую мерку, очень много миловидных, изящных лиц; в этом они сходны с француженками, между которыми тоже, при отсутствии типов высокой красоты, масса хорошеньких. Надобно только заметить, что в то время, как француженки долго сохраняют свежесть и красоту, японки замечательно скоро теряют их. В 30 лет,

когда первая пышно распускается и чертами лица, и линиями тела, les charmes de belle в Японии уже обыкновенно поблекли, и лицо, и фигура, и походка устают, выцветают.

И то сказать, что работа японских женщин по дому и в поле с ребятами очень тяжела; одно таскание детей при поясе во время самой работы, когда матери приходится нагибаться и разгибаться, имея при себе одну или две качающиеся во все стороны сонные головки, чего стоит!

Мне думается, что менее гигиенического способа обращения с детьми, чем это таскание их в узле, трудно придумать. Не это ли вместе с системой низких поклонов порождает и производит впоследствии столько горбатых?

На станциях расходится масса газет – это серенькие, очень неказистого вида листки, печатанные китайским шрифтом, сколько я мог заметить, довольно легкого содержания, со сведениями, особенно политическими, нахватаемыми отовсюду, непроверенными и выдаваемыми с произвольными комментариями и добавлениями.

Несколько вопросов, адресованных, около меня, европейцу, говорившему по-японски, указывали прямо на уродливое искажение фактов, хорошо мне известных, восстанавливать которые я, однако, воздержался, так как моя русская национальность непременно возбудила бы недоверие к моим словам.

Множество ходячих продавцов таскают на лотках или выкрикивают или табак, сигары, папиросы и трубки, или пиво разных сортов, т. е. европейское и местное; и водки, соки, бренди, виски или фрукты: апельсины, мандарины, яблоки, груши.

Эти последние, особенно груши, очень дурны – прямо какие-то деревянные. Говорят, что они стали выращиваться только недавно, а прежде, кроме плохих яблок с севера страны, ничего своего по этой части не было.

Надобно думать, что с течением времени, несмотря на крайнюю сырость климата, вредно влияющую на многие фрукты, усидчивый, настойчивый, трудолюбивый японский народ обзаведется и порядочными фруктами, тем более, что благодаря большому протяжению страны по широте, а также множеству гористых местностей, у него есть всякие климаты – от самого холодного, до самого жаркого – умеряемые морем.

По части питания, кроме помянутых чайников с зеленым чаем, который японцы пьют много, предлагают еще деревянные коробки с провизией, что очень нелишнее при отсутствии буфетов на станциях. В одних коробочках сендвичи, в других – просто вареный рис, в третьих – рис, рыба, овощи и какая-нибудь сладость, фабрикуемая преимущественно из бобов.

6 (19) февраля 1904 г.

В городок Никко я приехал поздно вечером и был просто ослеплен с непривычки множеством фонарей, освещавших площадь у вокзала;

каких- каких цветных фонариков, фонарей и фонарищ там не было – все с надписями, с названиями лавок и их владельцев, выписанных крупными, характерными, декоративными китайскими буквами!

Шум стоял немалый, главным образом, от предложений услуг хозяев и служащих чайных домов и дженерикшей, т. е. людей-лошадок, не хуже наших извозчиков зазывавших в свои колясочки. Извозчиков на лошадях совсем не было, да, и по правде сказать, здоровые легкие и икры дженерикшей делают их излишними; вопрос же о том, нравственно ли ездить на людях, совсем особый, который здесь обсуждать я не буду.

Какой-то туземец, провожатый иностранцев, одетый щегольски по-европейски, приехавший в одном со мной поезде, вероятно, поэтому счел меня своею жертвой, потому что непрошено распорядился моими вещами и приказал везти их в отель «Канайя» и на вопрос, почему именно туда, ответил, что «его гости всегда в этой гостинице останавливаются». «Да я вовсе не ваш гость», – ответил я и велел везти себя в гостиницу «Никко».

Деловые люди Японии, сказать мимоходом, быстро проникаются американской бесцеремонностью, чтобы не сказать – нахальством, и с ними в этом отношении нужно быть постоянно настороже, иначе личность, вроде упомянутого мною гида, наметит вам против воли в самую дорогую гостиницу, заставит купить совершенно ненужную вещь, потребует себе плату свыше договоренной и т. п. Как потом оказалось, гостиница «Канайя» – самая дорогая, и удобствами ни мало не лучше той, которую выбрал я, а главное, спуск от нее и подъем к главному “attraction” места – храмам весьма труден.

Сначала аллеей гигантов-криптомерий, потом очень длинной прямой улицей городка, тоже ярко освещенной сотнями фонарей, дженерикша повез меня крупной рысью в гостиницу. Ночь была темная, сырая; дорога вела к горам, откуда перебивая говор толпившихся по лавкам людей, слышился неумолимый шум горного потока...

Проехавши всю длинную улицу лавок, моя колясочка спустилась к мосту, переброшенному через бурную реку Дайя-Гаву, тут, вблизи, страшно ревущую. Здесь был недавно еще красный лакированный, украшенный вызолоченной бронзой мост, по которому имел право проходить только микадо и который недавно был снесен разбушевавшейся рекой. Рысак-человек углубился в пустынное пространство набережной потока и когда еще раз свернул на освещенную улицу, то мы очутились перед ярко освещенным зданием, на котором значилось “Hotel Nikko”.

Наконец, я был у широкого подъезда, по-видимому, благоустроенного приюта для путешественников. Встретили меня несколько миниатюрных хорошеньких японок, одетых в яркие платья с еще более яр-

кими поясами, необыкновенно тщательно причесанных, мило улыбавшихся, но двигавшихся с перевальцем наподобие уток. Они сняли с меня пальто, отняли шляпу и зонтик и затем с поклонами провели наверх, в спальную комнату, не издав ни звука, только указывая и улыбаясь.

Я имею обыкновение спрашивать в гостинице, при входе в помещение, что оно стоит? Оказалось, что комната с полным пансионом стоит 6 йен, т. е. 6 рублей в день. Это, кстати, навело меня на старое недоумение по поводу цен гостиниц у нас, в России, т. е. тех из них, в которых есть удобства и комфорт. Казалось бы, строевой материал у нас недорог; рабочие руки еще дешевле, пищевые продукты тоже скорее дешевле, чем дороги, а в общем, хорошие гостиницы дороже, чем где бы то ни было на свете, исключая разве Америку. Вот хотя бы взять, например, Никко, модное дачное место в Японии, место, куда стекаются поклонники со всего государства и туристы со всего света – в нем комната в первоклассной гостинице, с покойной двуспальной кроватью, под пологом, с приличной мебелировкой стоит всего 3 рубля в день, так как остальные из шести нужно отнести на прекрасно, отлично приготовленные два завтрака и обед, не считая чая, получаемого чуть не во всякое время. Вряд ли в России можно было бы иметь то же самое даже за десять рублей в день.

От этого маленького отступления возвращаюсь в гостиницу «Никко», где на утро, обзаведясь гидом от гостиницы, я пошел осматривать храмы.

Благоустройство дорог, чистота зданий по сторонам их – замечательные, во всем виден уход, надзор и порядок. По дороге мне указали, за характерными черными воротами – жилье императорских принцесс, обыкновенно проводящих здесь лето. Самих построек не было видно, лишь крыши, украшенные резьбой и кое-где позолотой, указывали на то, что дома незаурядные.

Таковы же, говорят, т. е. не отличающиеся высотой, и императорские дворцы в Токио, так как микадо не уверен в прочности и солидности огромных, многоэтажных зданий своих министерств и других официальных общественных учреждений – землетрясения здесь так часты, что такая предусмотрительность только благоразумна.

В конце чудесной широкой улицы, обложенной каменной кладкой и засаженной криптомериями, показались в сказочном блеске золотых украшений сами храмы.

Улица идет вверх и в конце ее характерные японские ворота, крытые бронзой, ведут на площадку, на левой стороне которой – кривая, высокая пагода, чисто китайского стиля, а впереди на возвышении – небольшой храм-ворота, через которые идет главный вход к святыне. Портик этот реставрировался, так что мы поднимались не тут, а по временной деревянной лестнице, с правой стороны которой оставалась высокая криптомерия, будто бы в малом виде принадлежавшая самому

святому Иеясси, а с левой, в особом помещении, храмовая лошадь – несчастное животное, хорошо накормленное и напоенное, но постоянно, день и ночь, содержимое на привязи. Отсюда начинается целая серия храмов, один другого интереснее по отделке частей и, по словам туземцев, один другого святее – по благодати. Место этих храмов было уже давно прославлено пребыванием угодников, но оно еще больше поднялось в значении после того, как на нем некоторое время проживал, а потом был похоронен родоначальник сегунов, т. е. правителей (по нашему произношению тайкунов) рода Тогукавы по имени Иеясси, а также его внук – Ходаями.

Оба они, по приговору истории, особенно первый, сделали много добра для Японии, признавшей их своими благодетелями и святыми.

Поклонение усопшим правителям указывает на практичность и известную долю грубости в религии, но я не буду входить в разбор этого, теперь я скажу лишь, что синтоистская религия, обоготворяющая государей, прижилась как нельзя более на руку микадо, прежде долго витавшему со своей божественной властью между небом и землею, а теперь взявшему в свои руки бразды правления и тотчас же объявившему религию синто официальной в ущерб буддизму, который долгое время был всесильным. Надобно, впрочем, заметить, что буддизм не потерялся от нанесенного ему удара и, подлаживаясь к обстоятельствам, поспешил присоединить к сонму своих святых созерцательного характера синтоистских угодников, состоящих из бывших сегунов и других общественных деятелей, так что теперь снова начинает входить в силу.

Все храмы построены из дерева, чудесно украшены резьбой, красками и позолотой. Много белой краски на колоннах и в фонтанах; немало и черного цвета, особенно там, где работано лаком, как известно, играющим большую роль в поделках и постройках и доведенном до высокой степени совершенства.

Японские постройки, в общем, не производят грандиозного впечатления, по крайней мере, на наш взгляд, воспитанный образцами греческой и римской архитектуры, зато остальные части – «могсеаих»; как говорят французы, замечательно хороши.

Входные ворота на второй двор, которым туземцы и многие туристы так восхищаются, мне не особенно нравятся: верх тяжел и вычурен, а мифологические животные, горельефом обходящие все здание и составляющие главное украшение сего, уж чересчур своеобразны, прямо сказать, уродливы; к тому же их так много, какая-то диковинная не то псарня, не то зверинец, скалящий зубы на всех и вся. Самые двери, а также колонны, украшающие низ, впрочем, хороши...

Отсутствие мебели во всех японских домах делает их очень пустынными внутри. В храмах еще есть алтарь и столы для жертвоприно-

шений, также подставки для священных книг, но в жилищах середины совсем пустуют. Например, в упомянутых двух храмовых бытовых комнатах нет и намека на какую бы то ни было мебель, так что вид их скучен и приходится дополнять видимое воображением, представлять себе время, когда на полу, на циновках, с одной стороны, сидел дающий аудиенцию сегун, а с другой, входной, – лежали расprostертыми подданные его; с помощью такого представления невысокие комнаты как будто заполняются на значительную долю их высоты и кажутся менее пустынными.

Есть японская пословица: кто не видел Никко, тот не может сказать, что он знает прекрасное. Пословица эта в значительной степени справедлива, потому что весь Никко прекрасен, но его прекрасное трудно передать словами, так как оно состоит не только из красоты линий и гармонии красок храмов, но и из возвышающей эти прелести обстановки, из громадных криптомерий, гор, бурных, шумящих потоков, громадных, крытых зеленым мхом камней и т. п. Нужно видеть все это вместе, т. е. не только любоваться филигранной отделкой зданий, но и прислушиваться к шуму деревьев, грохоту водопадов; нужно видеть массы нарядного любознательного народа, с религиозным благоговением толпящегося с утра до ночи в самих храмах и во всех аллеях и подходах к ним, чтобы понять впечатление, производимое этим местом.

У нас святые места посещаются преимущественно в великие дни календаря, а также в праздники местных святых, в Японии же храмы Никко посещаются столько же из религиозного чувства, сколько из желания удовлетворить потребность восторженного поклонения изящному, бесспорно врожденному в народе; их посещают как храм, музей и школу искусств.

Красивый пейзаж, великолепный храм, изящный букет цветов, красиво подобранный наряд непременно приковывают внимание японцев, и они в состоянии предаваться по поводу всего этого нелицемерным восторгам. И не только в высших, обеспеченных классах общества, но и в низших, недостаточных, в которых забота о насущном хлебе, казалось бы, должна была вытеснить удовольствия и наслаждения отвлеченного, созерцательного характера.

Так это дело у нас, как известно, и бывает в большинстве случаев, но не так в Японии: целые толпы ходят по храмам и окрестностям их, сообщая друг другу впечатления всего, стоящего внимания, в смысле красоты и поэзии.

Однако, глядя на толпы народа, я не на шутку задумался насчет возможности работать в таком многочисленном обществе любопытного, любознательного народа. Не знакомым с этим делом трудно себе представить себе, как назойливы и надоедливы бывают эти случайные

почитатели и часто добровольные советчики, даже в Европе, а тут за каждым движением кисти стали бы, вероятно, следить целые десятки пытливых глаз. Представлялся только один выход – это приходиться рано утром, до прихода посетителей и богомольцев, и поздно вечером, после ухода их. В середине же дня возможно заняться типами и костюмом у себя на дому, для чего и нужно приискать этот дом.

В главном храме я сделал маленькое денежное приношение, подарил мелкую серебряную монету, на что один из старых священников тотчас же ответил несколькими туземными конфетами, сухими, рыхлыми, очень сладкими, но невкусными, на глиняном блюдечке с гербом рода Тогукавы на дне.

При этом почтенный человек очень любезно заметил, что ему приятен интерес к храму и такое прилежное изучение его.

Со своей стороны, я ответил, что приятно удивлен вкусом и техникой исполнения и кстати прибавил, что непременно хочу перенести мои впечатления на полотно и написать несколько этюдов со всего наиболее замечательного, дабы познакомить с ним и отсутствующих сограждан моих. «Вы можете писать сколько угодно снаружи, но внутри строго запрещается делать какие бы то ни было снимки», – ответ этот мне не понравился и показал, что служители алтаря уступят только или перед крупным денежным подарком, или перед давлением со стороны влиятельных лиц Токио.

Как уже замечено выше, прелести храмов Никко много помогает обстановка, и, думаю, я не ошибусь, если скажу, что постройся на новом месте среди жиденькой растительности, они не производили бы того своеобразного впечатления, которые производят теперь, среди гор, на фоне чудных многовековых криптомерий – краски и позолота на темной зелени выступают особенно сильно. При этом надобно знать, что улицы, подьемы и лестницы выложены по сторонам огромными плитами натурального камня, от сырости климата покрывшегося густым зеленым мхом, что придает впечатление старой, седой старины – из всех расщелин выглядывают листья, ветки, лишай, побеги, будто целые столетия смотрят сквозь них...

Вход в храмы для осмотра стоит довольно дорого, около рубля с одного лица, безразлично – для молитвы, осмотра, рисования или просто прогулки, одинаково для туземцев и европейцев. На эти деньги храмы поочередно реставрируются, хотя, конечно, правительству приходится еще добавлять немалые суммы, так как реставрация производится очень старательно и умело, а следовательно, стоит не дешево...

Осмотревши синтоистские храмы и найдя в них немало интересного, стоящего занятия, я отклонил предложение моего гида пойти смотреть буддийские храмы, расположенные в версте расстояния над пра-

хом внука или племянника Иеясси по имени Хидайяши, и решил, не теряя времени, ехать в Токио заручиться рекомендациями.

Как раз в час дня шел очень хороший поезд, быстрый, без пересадок, и на нем в 5 часов вечера я приехал в японскую столицу. Направившись в хорошо рекомендованную “Imperial Hotel”, я еще раз подивился на переезде от вокзала до гостиницы силе легких и крепости мускулов дженирикшей, т. е. людей-лошадок, или, вернее, рысаков. Огромное расстояние версты в три было пробежено со мной и моим ручным багажом в 20 минут, не более.

Гостиница очень хорошая, совсем на американский лад, с прибавкой очень разбитного элемента японских мальчиков, с низкими поклонами отворяющих двери и отнимающих вещи. Неизбежный м-р Джонсон опрашивает о желаниях и указывает комнату, а низкорослые, взъерошенные японские слуги, перехвативши багаж, стремительно шагают по лестнице, будто боясь, чтобы пассажир не переменял намерения и не уехал в другую гостиницу.

Большая комната, в первом этаже, выходящая на террасу, с двумя большими кроватями, с ванными и всяким комфортом, с чаем, двумя завтраками и обедом, прекрасно приготовленными и сервированными, стоит 8 иен, т. е. 8 рублей в день, что может считаться недорогой ценой и у нас, в Петербурге или Москве стоило бы гораздо дороже. Японцы уверяют, что эти принадлежности европейского комфорта так подняли цены у них, что в туземных гостиницах Токио и др. больших городов щепетильно опрятная большая комната с ванной и полным туземным столом стоит и теперь от 2-х до 3-х иен, а прежде стоила одну иену.

Я расположился уже было обедать в великолепной столовой гостиницы и беззвучнодвигающийся метрдотель, японец, в очках, имевший вид школьного учителя, всучил было мне карточку блюд, когда дали знать, что меня зовут к телефону.

Голос моего старого приятеля еще по Америке, барона Розена, которого я извещил о своем приезде, осведомился о здоровье и безапелляционно требовал к себе обедать запросто. Сказано – сделано, и я отправился в русское посольство, оказавшееся совсем вблизи от гостиницы.

Можно заметить мимоходом, что дом “Russian Legation” в Токио очень недурной и, вероятно, немного уступает, если уступает помещением посольств других держав. Он был построен и устроен при С., имевшем поддержку и покойного князя Горчакова, и теперь с честью несет знамя русского министерства, чего нельзя сказать о клетушках, составляющих покои хотя бы, например, русского посла в Вашингтоне и многих других помещениях русских миссий за границей.

Пятница, 13 (26) февраля 1904 г.

Решено было, что на следующий день мы пойдем к обер-церемониймейстеру двора, барону Санномия как лицу, близко знакомому Розену и не далее как в это самое лето вместе с ним жившему около Никко.

Мы проехали через ров и стены в места, когда-то сплошь застроенные, а теперь совершенно пустовавшие и лишь кое-где засаженные деревьями, места, отделяющие жилье императорской фамилии от остального города.

Стены выложены из очень больших неправильной формы камней, сложенных без цемента, вероятно, для лучшей устойчивости при частых землетрясениях. По верху стены усажены сосновыми деревьями, видимо, старыми, но не высокими и очень кудрявыми, дающими такой своеобразный японско-китайский характер всем местам, где они растут. Тут на поле, предшествующему въезду во внутреннюю часть японского Кремля, мы видели учение молодых солдат японской кавалерии, как я слышал, до крайности малочисленной. Посадка показалась мне недурной; но лошади толстые, лохматые, по-видимому, не отличающиеся быстротой хода...

Выехавши через вторую стену и вторые ворота, мы остановились у ворот огромного здания, неважного европейского архитектурного стиля, служащего преемником всех верховных учреждений и заключающего в себе массу комнат, коридоров и лестниц. Р., попробовавший было, понадеясь на память своих прежних посещений, сам найти дорогу, скоро заблудился, и не обошлось без обращения к встретившемуся чиновнику, а потом и еще к другому.

Шершавые головы маленьких японцев низко склонялись перед словами: «Я русский посланник, желаю пройти к барону Санномия» – и молчаливое указание рукой направляло нас дальше.

Мы попали, наконец, в небольшой скромный кабинет, в который, погодя немного явился обер-церемониймейстер двора микадо, барон Санномия, один из «новых людей», направляющий правительственную барку по новому курсу. Как мне говорили, барон женат на англичанке, весьма импонирующей двору и придворным. Изучивши вместе с женой придворный этикет в Вене, во всех его мельчайших подробностях, он теперь заведует этим делом при своем дворе и, придерживаясь во всем виденных церемоний, в грязь лицом, как говорят, не ударяет.

Я был представлен как известный художник, произведения которого японский царедворец, «конечно, знает?».

– Разумеется, разумеется, – ответил Санномия, хотя, вероятно, никогда ничего не слышал и не видел.

Как прежде японскому консулу во Владивостоке, я сказал ему, что не имею ни малейшего желания что-либо разузнавать или выпытывать на счет их военных сил, наступательных или оборонительных средств,

а приехал издалека специально для ознакомления со старым японским искусством, с их древними храмами.

Я выразил желание теперь же, сейчас получить рекомендацию к священникам храмов Никко для того, чтобы получить доступ к изучению и писанию всего наиболее интересного там. Санномия выразил готовность служить чем только может и обещал послать со мной своего чиновника с наставлением и письмом к синтоистскому и буддийскому главным священникам с просьбой постараться исполнить мои желания.

Не без того, чтобы не поплутать еще немного по бесконечным коридорам громадного здания «нового курса», мы таки выбрались наконец, на свет Божий и условились, что до отъезда моего мне подыщут переводчика из молодых туземцев, знакомых служащему персоналу посольства. Как раз метрдотель, почтенный важный драбант, своею типичной физиономией так и просившийся на полотно, обещал представить несколько кандидатов для выбора.

Покамест обо мне так любезно заботились, я побегал по городу и по первому взгляду признал, что он не на шутку отстраивается, т. е. его европейская часть, потому что туземная уже вполне застроена, и в нее ничего нельзя более втиснуть. Европейская часть имеет теперь вид города, потерпевшего осаду: везде валяются балки и камни, всюду ямы, рвы, заборы, водопроводные и газовые трубы; местами начинаются, местами оканчиваются постройки, часто не в ряду других, а среди голой площади, на которой только привычный глаз мог различить линии будущих улиц будущего модного квартала.

Известно, что в Токио и особенно в отстоящей от него на час расстояния Иокогаме очень часты землетрясения. Ввиду этого непонятно, как, почему и для чего решаются строить огромные многоэтажные здания, долженствующие полететь, как карточные домики, при первом же серьезном сотрясении почвы.

Как я уже упоминал, мне говорили, что император благоразумно воздерживается от постройки себе высокого дворца и продолжает жить в старом одноэтажном здании, в неприхотливой старояпонской обстановке, лишенной современного комфорта.

В официальных апартаментах, говорят, есть мебель, люстры и зеркала, но в них никто не живет, в жилых — же комнатах нет ничего, кроме соломенных матов. Если бы японцев побуждало возводить высокие дома желание иметь европейский комфорт, то было бы понятно, что хотят рискнуть: правда, дом может повалиться, но, авось, успеем пожить в нем в свое удовольствие — так нет, все дело в желании подражать Европе и Америке, в желании иметь столицу а-ля Париж, Лондон, Нью-Йорк. Говорят, что маленькие качания уже были, но не настолько сильные, чтобы остановить страсть к домам европейских размеров, с павильонами и башенками.

Когда знаешь, что в Иокогаме почва и теперь продолжает колебаться иногда по несколько раз в день, то, право, как-то жутко смотреть на высоко расположенные этажи, невольно думается о том, устоят они или нет? Не слишком ли дорого обойдется в случае беды желание играть большую роль в больших хоромах, высоко над землей; не благоразумнее ли было бы испытать крепость средних домов и потом уже перейти к высоким?

Я не буду ничего говорить о новых улицах и новых постройках, как неоригинальных подражаниях Европе и Америке — ничего своеобразного, национального, оригинального, ничего, с чем мы не были знакомы дома. Преимущественно романский стиль, с примесью, впрочем, всяких иных.

Несравненно более интересна туземная часть города, его базары, снабженные решительно всем местного, европейского и японского производства. Туземное производство большей части товаров, изготавливаемых уже веками, до сих пор очень хорошо (хотя хуже, чем прежде), но относительно подражаний европейскому, до сих пор дело обстоит так, что один и тот же предмет, сделанный в Японии и за границей, резко различается в качестве и цене: японский перочинный ножик, замок и т. п. вещи относительно дешевы, но дурны, недолговечны; даже немецкие вещи, как известно, не отличающиеся высоким качеством, хотя и недорогие, оказываются лучше и дороже японских. Увлеченные похвалами, расточаемыми на Западе их специальным производствам вроде лаковых, резных, вышитых вещей, бумаг, некоторым материям и т. д., жители страны Восходящего Солнца увлеклись надеждой на то, что отныне они будут в состоянии снабжать всем необходимым не только свою родину, но и простодушных европейцев, а со временем же — Бог не без милости — может быть, и Америку. Однако попытки их в этом роде оказались до сих пор мало успешными, так как многое пришлось или продавать по низкой цене, едва окупающей производство, или просто везти назад из-за признанной низкопробности товаров.

Конечно, энергические японцы, вероятно, добьются своего и станут вырабатывать для экспорта товары лучшего качества, но пока сами торговцы сознают низкопробность своих товаров и не стесняются спрашивать: «Чего вы хотите: японского худшего и дешевого или иностранного более дорогого?»

В чем японцы прямо неподражаемы, это в применении своего врожденного вкуса, чувства размеренности, изящества и в то же время оригинальности, умения дать всегда что-либо неожиданное, непредвиденное, так что их уже нельзя укорить ни в однообразии, ни в банальности. Это-то последнее так и выдвинуло японский вкус в уставшей от переживаемого Европе, попросту сказать, развило в Европе и Америке такую моду на все японское. В данное время, т. е. в начале 1904 года, как и в прошлом году, наши барыни чуть ли не бредят Японией; у них

японские прически, японские рукава и даже их платья стянуты в коленях, как у заправских японских модниц; без преувеличения можно подумать, что выражение «Вы похожи на японку» сочтется теперь за лестный отзыв, за похвалу... Это отчасти понятно, если принять во внимание стремление женщин, вообще, щеголять и нравиться, потому что, с одной стороны, японские женщины очень милы и грациозны, а с другой — японские материи, веера и проч. и проч. так хороши, что при умелом пользовании украшают даже и некрасивое.

Составить букет так, что цветы, не будучи собраны симметрично, все-таки составляют красивую по линиям и краскам группу; прибростить к нему еще ветку дикого растения, которое удвоит красоту цветов; набросить беспорядочно, но и безрасчетливо кусок материи на горшочек или вазу или, наконец, кокетливо запутать от холода женскую головку шелковым крепом, так что она покажется прехорошенькой — все это продельвается в Японии просто, но неподражаемо, так что залюбуешься.

Мне были очень интересны лавки их старьевщиков, с разными безделушками из посуды, статуэток, ваз, блюд, всякого рода ящиков, посуды... Трудно передать прелесть этого товара, в том случае когда он произведен хорошими мастерами, преимущественно старыми, и оригинален, т. е. не подделан.

Прелестны, например, так называемые «нецке», брелоки из дерева и кости, носившиеся прежде на поясе вместе с трубкою и табачным кошелем. Попадают прямо маленькие шедевры «резьбы»: разные животные, крысы, личинки, собаки, кошки, медведи, обезьяны, черепахи, лягушки, раки, так же как и люди в более или менее шуточных комических позах. Поющий играющий на туземной гитаре японец из слоновой кости, две комнатные собачки из дерева, деревянный же гриб, с сидящей на нем лягушкой и т. п., все удивительно исполненное, должно было бы стоить больших денег, в сущности, продается прямо за бесценок, например, по 1 рублю за штуку!

Я ходил также по лавкам продавцов старого платья, особенно женских кимоно, из шелкового крепа, дающих чудные мягкие складки: цвета до того хороши, яркие, смелы и в то же время гармоничны, что представляют какой-то разгул красок самых неожиданных сочетаний; я решил, что после того, когда осмотрюсь и попригляжусь, куплю целую серию этих одежд, так же как и некоторые мужские.

Очень хороши всевозможные материи набойки, всевозможных, часто очень пестрых узоров и преоригинальных рисунков с цветами, птицами, животными и целыми маленькими сценками из жизни природы и людей. Они идут на женские платья, пояса, передники для взрослых, так же, как и детей, для которых выбирают самые яркие узоры, так что группы деток представляют из себя сплошные цветники. Набойка не дорога, копеек по 10–12 примерно за ярд, т. е. за 1 1/4 аршина, хорошие

же материи, как, например шелковый стеганый япон, стоит примерно по 1 рублю за ярд.

Так называемые ванауси не особенно знамениты ни достоинством, ни узором, хотя лучше наших и недороги.

Парчи очень хороши и покупаются франтихами на пояса оби. Когда мне в большом магазине «Митси» открыли несколько кусков блестящей узорно-золотой парчи, сбежалась, кажется, половина всех бывших в лавке женщин — как пчелы на мед — и разговорам, шушуканьям, восклицаниям, уж не говоря про завистливые взгляды, конца не было.

Кстати сказать, японские дамы не меньше их товаров в Америке преданы страсти shopping, т. е. хождения по лавкам и за покупками, и просто от безделья, для свидания со знакомыми и флирта. Много ли толпы их обыкновенно покупают, не знаю, но роются в товаре, испытывая неистощимое терпение приказчиков, очень исправно. Нечего и говорить, что процедура продажи и покупки совершается при утонченных правилах вежливости, так что целая гора изрытого, помятого и некупленного товара никогда не заставит японского приказчика нахмурить чело и изменить свою традиционно-вежливую улыбку на недовольную.

Шитье шелками для подушек, покрывал к кроватям, для подвесок на стены, также для ширм очень хорошо и недорого.

Надобно заметить, что ширмы и экраны, вышиваемые разноцветными шелками или золотом, фабрикуются специально для иностранцев; в японских же домах ширмы обыкновенно бумажные, украшенные рисунками по золотому, серебряному или просто белому фону.

Не мешает также сказать, что прежде баснословная дешевизна всех этих работ уже отошла в предание, и купить хорошо вышитую ширму за 25–30 рублей, как это, судя по ценам этих предметов на больших выставках, представлялось возможным, теперь нельзя.

Не столько англичане, сколько американцы, платящие все, что с них спросят, подняли цены и вызвали фальсификацию в больших размерах.

Мне говорили, что насколько китаец честен, настолько же японец плутоват, что в сношении с первым часто не нужны ни расписки, ни писания обязательства, а со вторым надобно держать ухо востро и никаким словесным заверениям не верить, непременно опираться на «черное на белом». Думается, что в основание это должно быть верно, но, признаюсь, мне не пришлось проверить: за все время моего пребывания в Японии я не видел никаких неделикатностей, кроме обыденных везде опозданий в исполнении заказов и мелких присвоений служащих, т. е. маленьких примеров самопомощи, но не по Смайльсу, а в другую сторону.

Правда, запрашивают и торгуются в Японии крепко, и преимущественно в «темном товаре», как предметах искусства у старьевщиков, но кто же не знает, что на Востоке это обыкновенная манера купли и про-

даже и что даже у нас, в России, заправские покупательницы не заснут от досады и огорчения, если ей хоть чего-нибудь не уступят в лавке.

Не имея понятия о ценности многих вещей, я на всякий случай давал половину запрошенного, но, увидев, что, несмотря на сделанную недовольную мину, торговец обыкновенно спешит встать мне поперек выхода, я стал предлагать $\frac{1}{2}$ и даже менее запрошенной цены. Если сначала это и вызывало обиду, чуть не отчаяние, то, в конце концов, не вредило делу, потому что давало возможность легче сдаться обоюдными уступками.

Случалось, особенно, в больших магазинах, наталкиваясь на торговцев, не спускавших ни одного сента, несмотря на убеждения, опорочивание товара, уход из лавки и все подобные приемы восточной торгашеской школы, но, по большей части, самые, по-видимому, стойкие посылали на улицу мальчика дожать и сказать, что спускают еще столько-то, так что, в общем, я все-таки отчасти для потехи, отчасти для действительного сбережения своих капиталов спас себе при помощи торгашеского терпения и ухищрений не одну сотню рублей.

Впрочем, главные покупки, нужные мне и как художнику, и как человеку не с каменным сердцем, т. е. любящему изящные вещи, я отложил до Киото, где, по сведениям, все было сравнительно дешевле, чем в Токио.

Один персонал разных посольств в связи с близостью к Иокогаме, центру широкой англо-американской жизни, очень вздул, как говорится, цены на все в столице Японии.

Использованная литература

Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и Творчество. М.: «Искусство», 1958.

Лебедев А. К., Солодовников А. В. Василий Васильевич Верещагин. М.: Художник РСФСР, 1987.

Василий Васильевич Верещагин. «Избранные письма». М.: Изобразительное искусство, 1981.

РГИА. Ф. 472, оп. 45, д. 54 «Об исходатайствовании вдовы художника Верещагина, погибшего на броненосце “Петропавловск”, ежегодного пособия на воспитание детей».

Художник В. Верещагин. Заметки «О Японии» // «Новости и биржевая газета». СПб., 1904, январь–февраль, с. 3–4.

Кожевникова И. Верещагин и Япония // Проблемы Дальнего Востока. 1987, №1, с. 35–41.

Об одной японской коллекции (Первая арфа в Японии и Советский Союз 1930-х)

Л. Ермакова, К. Танака, С. Хияма

Речь в статье идет о коллекции так называемых *сикиси* (букв. «цветная, или узорная, бумага»), т. е. о распространенных автографах, которые в 1930-е годы собрала сотрудница японского посольства в Москве Абэ Ёсиэ. Впоследствии Абэ, которая во время пребывания в России училась игре на арфе у знаменитой российской арфистки К.Эрдели, стала первой в японской истории арфисткой и основательницей школы игры на арфе в Японии. Среди тех, кто давал ей автографы, — прославленные деятели советской культуры тех лет, а также выдающиеся российские советские японоведы; последние из-за знакомства с ней были заподозрены в шпионаже и подверглись репрессиям. Рассказ о коллекции становится, таким образом, рассказом о необычной судьбе первой японской арфистки и о судьбе тех, кто давал ей свои автографы на японских «цветных бумагах».

Ключевые слова: Абэ Ёсиэ, *сикиси* («цветная бумага»), арфа, А. С. Новиков-Прибой, Н. А. Невский, И. А. Бунин, М. А. Шолохов.

Непосредственным поводом к написанию настоящей статьи послужила коллекция цветных листов японской бумаги, называемых по-японски *сикиси*. Эта коллекция была собрана японкой Абэ Ёсиэ в 30-х гг. прошлого века, а сама она была женщиной необычайной судьбы, прожившей, можно сказать, не одну, а три совершенно разных жизни.

Сначала о том, что такое *сикиси*. Традиция этих «цветных бумаг» (а именно это и значит слово *сикиси*) восходит к периоду Хэйан, тогда на таких бумагах было принято каллиграфически записывать пятистишия танка из поэтических антологий «Манъёсю» или «Кокинсю». До сих пор жива эта традиция каллиграфической записи стихов или на *тандзаку* — узких полосках плотной японской бумаги (напоминающей по толщине тонкий картон) или на *сикиси*; последний тип, в отличие от удлиненных *тандзаку*, имеет почти квадратную форму. Фон бумаги обычно имеет пастельный оттенок цвета, поверх фона расположен узор, нанесенный иным, тоже не резким цветом, а также серебряным или золотым порошком. До сих пор *сикиси* часто используют, помимо каллиграфии, записей пятистиший и трехстиший, еще и для рисунков тушью или для живописи традиционными японскими минеральными красками. Кроме того, на *сикиси* знаменитые борцы сумо красной киноварью оставляют отпечатки ладоней для своих поклонников, на *сикиси* студенты записывают пожелания и ставят подписи в подарок уходящему в отставку профессору, и т. п.